

Се Жулань слегка удивился, но Сяо Синюй не стал скрывать от него правду и честно признался:

— Похоже, мой старший брат уже узнал о моём мнимом самоубийстве и послал людей, чтобы убить меня. Если одна попытка не удалась, он точно не отступится. Мой брат — человек с жестоким нравом, и я боюсь, что в следующий раз снова подведу тебя.

Се Жулань лишь поверхностно понимал ситуацию, но он не ожидал, что истории о братоубийстве в императорской семье действительно существуют. Он был слишком молод, почти не сталкивался с подобными интригами и коварством. Его жизнь, за исключением встречи с этим несчастливым Сяо Цянем, была довольно ровной. С детства, под влиянием отца, он усвоил принципы рыцарства и добродетели, мечтая о свободной и беззаботной жизни в мире рек и озер, полностью презирая темные замыслы и интриги.

Се Жулань просто считал, что жить проще — разве это не лучше? Но, видимо, в этой жизни ему не суждено жить просто.

Однако, если бы Сяо Синюй действительно был таким простым, как казалось на первый взгляд, разве бы он заслужил благосклонность Верховного императора? В императорском дворе почти никто не смел ему перечить, и даже Сяо Цянь и его старший брат опасались его.

Среди народа также ходили слухи, что после смерти второго принца четвертый принц, самый любимый, мог стать наследником престола.

Но, если подумать, Сяо Синюй, пожалуй, was самым чистым среди своих братьев — типичный любитель красоты, равнодушный к власти.

В глубине души Се Жулань тоже надеялся, что Сяо Синюй не обманывает его, что он действительно такой простой, и, надеюсь, не похож на своих братьев, каждый из которых был жестокее другого, особенно Сяо Цянь.

Се Жулань ненавидел, когда его обманывали, и он сразу же сообщил об этом Сяо Синюю.

Сяо Синюй знал это, поэтому постепенно раскрывал ему свою истинную сущность. Хотя он понимал, что Се Жулань, вероятно, уже догадался, но, если он признается сам, Сяо Синюй считал, что это заслуживает прощения.

Он посмотрел на Се Жуланя и сказал:

— Сейчас опасное время, давай сначала устроимся, а потом уже решим, что делать.

Се Жулань кивнул, даже не осознавая, почему он слушается Сяо Синюя. Раньше он бы просто ушел. Возможно, это было из-за того, что Сяо Синюй прыгнул с ним с обрыва, а может, из-за того, что последние два дня он не спал, ухаживая за ним.

Горная дорога была ухабистой, и Се Жулань чувствовал слабость в руках и ногах. Порыв ветра развеивал длинные волосы Сяо Синюя, которые попали на лицо Се Жуланя, что ему показалось неприятным. С тех пор, как нефритовый обруч для волос Сяо Синюя смыло водой, его волосы оставались распушенными.

Это придавало ему более расслабленный и мягкий вид. Се Жулань нахмурил брови и не удержался, чтобы не сказать:

— Давай я соберу твои волосы.

Он даже не заметил, что в его словах было что-то странное, зато Сяо Синюй уставился на него, щеки быстро покраснели.

Се Жулань пояснил:

— Твои волосы постоянно попадают мне на лицо.

Они вызвали зуд, и он невольно протянул руку, чтобы почесаться, схватив при этом прядь черных волос. Они были не такими тонкими и мягкими, как его собственные, а более грубыми и, казалось, еще чернее. Се Жулань, держа его волосы, задумался, слегка надув губы, что в глазах Сяо Синюя выглядело невероятно привлекательно.

Сяо Синюй заикаясь ответил:

— Э-э-э... У меня нет ленты для волос...

— Это же просто. — Се Жулань наклонился и оторвал край своей одежды, и черная полоска ткани легла на его ладонь. Он поднял голову и приказал:

— Наклонись.

Голос его был тихим и слабым, но Сяо Синюй почувствовал нежность в сердце и покорно наклонился. Тонкие пальцы Се Жуланя медленно подняли его уже высохшие и гладкие волосы, аккуратно собрав их в высокий хвост на затылке, оставив несколько прядей спереди. Это выглядело более свежо и добавляло нотки непринужденной привлекательности.

Се Жулань глубоко вздохнул, завязывая узел на затылке, и тихо пробормотал:

— Твои волосы так щекотали мое лицо...

Сяо Синюй покраснел до ушей, когда вдруг телега наехала на камень, и все дно телеги содрогнулось. Се Жулань чуть не упал назад, но в этот момент его обхватила рука, которая уверенно притянула его к груди Сяо Синюя.

К несчастью, лоб Се Жуланя ударился о подбородок Сяо Синюя, и оба одновременно вскрикнули от боли. Однако Сяо Синюй не обратил внимания на эту боль, а вместо этого обнял Се Жуланя за талию, мысленно восхищаясь: какая же она тонкая!

В его объятиях был ароматный и мягкий красавец, и Сяо Синюй наконец понял, что значит «умереть под пионом, став духом любви». Жаль только, что он мог лишь смотреть, сохраняя серьезное выражение лица и краснея, он сказал:

— Будь осторожен!

Се Жулань кивнул, почувствовав, что рука на его талии сжимается слишком сильно, и, слегка неудобно, оттолкнул его.

Перед полуднем они добрались до города, и Сяо Синюй помог Се Жуланю сойти с телеги, попрощавшись с Дин Юном. Се Жулань смотрел на оживленные улицы, чувствуя себя так, словно пережил целую жизнь. Возможно, это было из-за того, что он избежал смерти, и только сейчас он вспомнил спросить Сяо Синюя:

— Куда мы сейчас идем?

Сяо Синюй поддерживал его, держа в одной руке его длинный меч, что совсем не сочеталось с его грубой одеждой. К тому же этот человек обладал изысканной внешностью. Спросив у прохожего, где находится аптека, Сяо Синюй осторожно повел Се Жуланя туда, объясняя свои планы:

— Хотя лекарство, которое я тебе дал в прошлый раз, было хорошим, но вчера рана снова открылась. Давай сначала посмотрим врача, используем лучшее лекарство, чтобы даже шрама не осталось!

Се Жулань усмехнулся:

— Ну и что, если останется шрам? Это же мелочь. Но ты уверен, что у тебя сейчас есть деньги?

Он отдал Дин Юну и его жене все свои ценности, и теперь у него не осталось ничего.

Сяо Синюй тоже улыбнулся:

— Не беспокойся, сначала я отведу тебя к врачу.

Се Жулань, однако, не хотел этого, утверждая, что его рана уже почти зажила. Сяо Синюй понял, что Се Жулань не хочет, чтобы кто-то видел татуировку на его спине. Подумав, он повел его в другое место, похожее на ломбард, где на двери висела табличка с надписью:

Зал Цуйхань.

Сяо Синюй ввел Се Жуланя внутрь. Ломбард был небольшим, с недостаточным освещением, немного темным. За высоким прилавком стоял молодой человек, который спокойно считал на абакусе, что создавало особую атмосферу уединения.

В маленьком ломбарде постоянно раздавался звук ударов по абакусу, который доносился до ушей Се Жуланя. Он с недоумением посмотрел на Сяо Синюя и тихо спросил:

— Зачем ты привел меня сюда?

Неужели он хочет что-то заложить, чтобы получить деньги? Но Се Жулань быстро отверг эту мысль, так как Сяо Синюй выглядел серьезным, словно принял важное решение, прежде чем прийти сюда, и это не было похоже на простую сделку.

Сяо Синюй улыбнулся ему, успокаивая:

— Ничего, я сначала решу кое-какие дела, и мы быстро закончим.

Сказав это, он отпустил Се Жуланя и подошел к молодому человеку за прилавком.

— Хозяин, я хочу заложить кое-что.

Се Жулань стоял в стороне и наблюдал. Молодой хозяин, казалось, только сейчас заметил, что кто-то вошел, мельком взглянул на Сяо Синюя и Се Жуланя, не проявляя никакой реакции на красоту последнего, и быстро опустил голову, продолжая что-то отмечать в своей книге, растягивая слова с безразличием:

— Что закладываете? Покажите. Только предупреждаю, мы не принимаем живых существ.

Если вы хотите заложить этого молодого человека, то не стоит. Хотя он и красивее других, но мы не принимаем людей.

Сяо Синюй рассмеялся и поспешно ответил:

— Я, конечно, не собираюсь закладывать его.

Он обернулся к Се Жуланю, но тот сердито посмотрел на него, и Сяо Синюй сразу же добавил:

— Не знаете, принимаете ли вы здесь картины или каллиграфию?

Хозяин фыркнул, отложил кисть, выпрямился и посмотрел на них. Только теперь Сяо Синюй заметил, что этот молодой человек был очень приятной внешности, с тонкими чертами лица и живыми глазами, что вызывало симпатию.

Хозяин протянул руку через прилавок и с улыбкой спросил:

— Какие картины или каллиграфию? Покажите.

Сяо Синюй ответил:

— На самом деле, это не совсем картина или каллиграфия, а долговая расписка.

Хозяин нахмурился, подумав, что Сяо Синюй шутит, но тот добавил:

— Расписка, написанная главой семьи Дуаньму.

— Главой семьи?

Эта глава всё больше напоминает повествование о сельской жизни. Романтические сцены я совсем не умею писать.

<http://bllate.org/book/16563/1512811>